

18+

РОМАН

Николаев Дмитрий

БЛУ(Д)ЖДЕНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
МЕТА-ПРОЗА

за блуждением
приходит
прозрение

Дмитрий Николаев

Блу (д) ждение

«Издательские решения»

Николаев Д. В.

Блудение / Д. В. Николаев — «Издательские решения»,

Всю жизнь ему говорили: «Ты везучий». Проблема в том, что везение кончалось там, где начиналось доверие. Мужик, который умел строить дома, но не умел строить себя, однажды сел на дешёвый стул, задёрнул шторы и спросил: «Как я до этого дошёл?» И начал отвечать. Честно. Без соплей. С войны до тишины во дворе. Это история человека, который перестал врать себе. Не потому что поумнел. А потому что устал.

© Николаев Д. В.

© Издательские решения

Содержание

БЛУ (Д) ЖДЕНИЕ	6
Часть 1. Карта поражений	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Блу (д) ждение

Дмитрий Валериянович Николаев

© Дмитрий Валериянович Николаев, 2026

ISBN 978-5-0070-5325-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЛУ (Д) ЖДЕНИЕ

Все имена, события и обстоятельства в этой книге являются вымыслом.

Любое совпадение с реальными людьми, живыми или умершими, случайно.

Пролог

Ему под сорок, но выглядит на тридцать.

Рост под стать: не выдающийся, не теряющийся — ровно столько, чтобы в толпе не заметить, а в глаза посмотреть снизу вверх не приходится. Русые волосы, тронутые сединой на висках, словно играли в цвет: на солнце отливали золотом, в тени темнели до песка, а при тусклом свете казались просто светлыми — без игры, без фальши. Глаза голубые. Пронзительные. Не красивые даже — нет. Такие, в которых хочется искать ответ, даже если вопроса нет.

Он — романтик. Но не тот, кто пишет стихи на коленке и вздыхает под луной. Его романтика в другом: он мог часами смотреть на закат и не сказать ни слова. Дарил женщинам не подарки — строки, но не просил за это ничего. И никогда не врал в том, что чувствует. Другое дело — что чувствовал он далеко не всегда.

Еду ненавидел готовить. Бабушка смеялась: «К плите тебя не приставишь». Он не спорил. Еда для него была топливом, не искусством. Женщины, которые его любили, знали: он накормит стихами, но не супом. И они соглашались на это — по доброй воле.

Он знает, как пахнет утро перед боем — смесью росы, железа и чужого страха. Знает, как звучат проигранные ставки, когда крупье собирает фишки с твоей стороны стола. Знает, каково это — пить до чёртиков, чтобы не слышать голос совести. И знает, что такое проснуться в чужой квартире, не помня, как сюда попал.

Он симпатичный. Лицо располагает к себе. Пользовался этим — иногда во благо, иногда нет. Знает за собой эту силу. И стыдится её, когда остаётся один.

Но сейчас от его красоты ничего не осталось. Сидит на дешёвом пластиковом стуле, согнувшись. Голова в ладонях. Волосы сваялись, щетина трёхдневная, красные глаза — не от слёз, от бессонницы. Он не спал третьи сутки. Шторы задёрнуты.

Он никогда не был трусом. На войне — нет. В казино — нет. Когда надо было ответить за слова — отвечал. Но сейчас боится. Не пули. Не денег. Не потери. Боится самого себя — того, кто доверился. Того, кто поверил. Того, кто расслабился.

Бабушка говорила: «Ты везучий, но доверчивый. Везучим быть мало. Надо ещё уметь не наступать на одни и те же грабли». Он наступал. Всегда. На одни и те же. Женщины, друзья, начальники, партнёры. Все, кому он открывался, рано или поздно втыкали нож в спину. А он всё равно открывался. Потому что не умел иначе. Потому что вера в людей была сильнее опыта. Потому что внутри жил тот мальчик, которого бабушка учила: «Добро возвращается». Она не предупредила, что добро возвращается не всегда. И не от тех.

Он сидит на стуле, смотрит на зашторенное окно. За шторами — море, солнце, жизнь. А он здесь. В клетке. Которую сам себе построил. Которую сам запер. Ключ выбросил.

В голове — обрывки. Кавказ, горы, запах железа и страха. Игровой клуб, крупье улыбается, забирая последние фишки. Реанимация, капельницы, вкус собственной желчи. Алиса, собирающая вещи. Катя, целующая сына перед уходом. Вова, улыбающийся, когда он отдаёт ключи.

Сколько их было? Женщин, городов, проектов, предательств?

Он перестал считать. После тридцати сбился. После сорока перестал пытаться вспомнить. Всё смешалось в один комок, в один долгий, тянущийся, бесконечный блуд. Блуждание по кругу. Блуд перед собой. Перед теми, кто верил. Перед теми, кого он бросил.

— Как я до этого дошёл? — спрашивает он себя в пустоту.

Ответа нет. Только шторы, стул, тишина и смятый листок со стихами в кармане.

Она выходит из спальни. Халат, растрёпанные волосы. Садится напротив, смотрит в его потухшие глаза.

— Опять не спал?

— Думаю.

— О чём?

— О том, как я сюда попал.

Она молчит. Проводит пальцем по его щеке.

— Никто тебя здесь не найдёт. Я не скажу.

Он криво улыбается. Слышал это много раз. И всё равно каждый раз наступает на одни и те же грабли.

— Мне надо рассказать, — говорит он. — Всё. С самого начала.

— Рассказывай.

— Ты не поймёшь.

— А ты не объясняй. Просто расскажи.

Он смотрит на неё. На её уставшее, доброе лицо. На руки, сложенные на коленях. На светлые волосы, падающие на плечи. Она — очередная. Такая же, как все до неё. Которая верит. Которая не спрашивает. Которая потом уйдёт или останется — не важно. Важно сейчас. Важно, что она есть. Что слушает. Что не судит.

— Хорошо, — говорит он. — Слушай.

Он встаёт. Подходит к окну. Раздвигает шторы. Свет бьёт в лицо. Голубые глаза щурятся, но он не отводит взгляда.

— По порядку, — говорит он. — Честно. Без соплей.

Часть 1. Карта поражений

Глава 1. Каждый день приносит новый слой правды

Он не помнит, когда начал врать. Наверное, ещё в детстве. Матери — что съел суп. Учителям — что сделал домашку. Девчонкам — что любит.

Врать он умеет мастерски. Глаза голубые — врут не моргая. Интонация спокойная, будто говорит чистую правду.

Он врет каждый день. Утром обещает себе: «Сегодня всё по-другому». А вечером — с той же бутылкой.

Правда приходит маленькими дозами. Как яд, который не убивает сразу, но разлагает изнутри. Каждый день приносит новый слой правды.

Сегодняшний слой: он эгоист. Не злой. Не жестокий. Просто ему всегда было важнее, что чувствует он. Женщины плакали — он уходил. Друзья просили помочь — находил отговорки. Дети звонили — не брал трубку.

Вчерашний слой: он трус. Боится темноты, которая внутри. Когда остаётся один, когда нет рюмки, чтобы заткнуть голоса.

Позавчерашний слой: он никого не любил по-настоящему. Дарит комплименты, удивляет, исчезает под утро. А любить — не умеет.

Он смотрит в зеркало. Русые волосы сваялись. Глаза голубые — усталые. Щетина. Лицо ещё красивое, но уже не молодое.

— Ты кто? — спрашивает он отражение.

Отражение молчит. А потом — на миг — ему кажется, что в зеркале не он сегодняшний, а тот, девятнадцатилетний, с коротким ёжиком волос, в грязном бушлате, с автоматом на плече. Перед отправкой. На Кавказ.

— Ты кто? — снова спрашивает он. Но теперь — не себя. Того парня.

Парень в зеркале не отвечает. Только смотрит. И память сама ведёт дальше.

Глава 2. Армия. Первый слом. Война на Кавказе. Ветеран боевых действий

Ему девятнадцать. Впервые один.

Армия. Элитные войска. Девиз: «Выше нас только звезды».

Он стоит в строю. Русые волосы ещё короткие, голубые глаза щурятся от южного солнца. Вокруг такие же пацаны. Кто из деревни, кто из города. Кто хотел служить, кто сбегал от тюрьмы. Все боятся. Никто не показывает.

Ивана определяют в спортроту. Бегаёт отлично — спасибо школьным кроссам. На кроссах уходит в отрыв так, что инструкторы только свистят вслед.

— Ты бы на олимпиаду, а не в окопы, — скажет ему потом старшина.

Но главное случилось не на плацу. На Рождество.

Они попали в засаду в горах. В первый раз он услышал, как свистят пули не в кино, а над ухом. В первый раз он понял, что смерть — не слово, а запах. Потом — железо, чужая кровь. Он лежал за камнем, вжимался в холодную землю, и думал только одно: «Только не сегодня. Только не здесь».

Вышли. Чудом. С потерями у соседней группы.

После того боя всё изменилось. Люди, с которыми он делил окоп, стали ближе, чем родня. Они перестали быть просто сослуживцами. Стали братьями.

В том бою он запомнил пулемётчика с позывным Татарин. Невысокий, коренастый, с вечно недовольным лицом, но с руками, которые держали пулемёт так, будто тот был частью его тела.

Когда начался обстрел, Татарин перематывал портянки. Сидел на корточках, намотал одну ногу, взялся за вторую. А потом — взрыв, свист, земля под ногами ходуном. И Татарин, не добинтовав, схватил пулемёт, упал на живот и открыл огонь. Стрелял длинными очередями. Но Иван запомнил другое: пулемётчик лежал на животе, а ступни ног были подняты вверх. Чтобы портянки не намокли. В сырой земле, под пулями, он берёт ноги.

Это было так абсурдно, что Иван хотел засмеяться. Не засмеялся — пуля просвистела, едва коснувшись кончиков волос. Но запомнил навсегда.

Потом, уже после боя, Татарин усмехнулся: «Портянки — святое. Если ноги собьёшь — кто воевать будет?» Иван тогда не понял, только кивнул. А потом, через годы, вспоминал этот абсурд как главный урок: даже когда смерть рядом, ты должен помнить о том, что важно. Даже о портянках.

После того Рождества они стали ближе. Не в письмах — в молчании. Серёга, друг из Саратова, который прикрывал Ивана в бою, теперь просто сидел рядом, не говорил ни слова, и этого было достаточно.

— Натворить можно всё что угодно, — сказал он как-то вечером, глядя в огонь. — Главное — как с этого грамотно съехать. На поле боя и в жизни — одно и то же.

Иван запомнил. Не только слова. Голос. Тихий, хриловатый.

Командир группы — легендарный ветеран. Невысокий, жилистый. Не кричит. Не унижает. Просто говорит.

Перед отправкой собирает всех. Стоит в грязном бушлате, руки в карманах, глаза красные.

— Слушайте сюда. Вы — моя группа. Я вас сюда всех привёз. Отсюда всех увезу. Живыми. Слово даю.

Тогда Иван не придавал значения. Мало ли кто что обещает.

Но уже в командировке, в горах, он понял, что командир — настоящий мужик. Человек слова. Он вытаскивал их из таких переделок, что штабные крысы только руками разводили. Увёз и привёз всех. Ни одного не потерял. Иван запомнил это навсегда.

Кавказ. Горы. Днём — жара, пыль, железо. Ночью — холод, звёзды, застывший воздух.

Их выгрузили из вертушек в серой предрассветной мгле. Пахло полыньёю и нагретой землёй. Иван вцепился в автомат — пальцы затекли. Он учился стрелять словно заново. Потому что иначе — смерть.

В первый раз стрелял на поражение — не попал. Командир не ругал. Сказал: «Лучше цельтесь, чем я учил».

Они возвращаются. Все. В его группе — ни одного погибшего. Но раненые были. Соседние группы потеряли людей.

В ту рождественскую ночь, когда они сидели в горах и ждали рассвета, кто-то затянул песню. Не гимн. Не марш. Про старую, тихую, про дом, про маму. Пела вся группа. Иван не пел — просто слушал. И понял: это и есть братство. Когда молчать и петь можно одинаково.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.